

Нападение как вид преступного деяния¹

А. И. Парог, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Россия

Т. И. Нагаева, доктор юридических наук, директор юридического института сахалинского государственного университета, Россия

В Особенной части действующего УК РФ термин «нападение» фигурирует в четырех статьях: 162 (разбой); 209 (бандитизм); 227 (пиратство) и 360 (нападение на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой). Кроме того, ст. 340 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение военнослужащим правил несения боевого дежурства (боевой службы) по своевременному отражению внезапного нападения на Российскую Федерацию, т. е. использует данный термин для возможного вредного последствия.

Термин «нападение» используется во многих нормативных актах и официальных документах РФ² и, следовательно, имеет не только уголовно-правовое, но и общеправовое значение.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Уголовно-правовое воздействие по законодательству Германии и России. Понятие, содержание и виды»), проект № 11-03-00531а.

² См: Федеральный конституционный закон «О военном положении»; «Таможенный кодекс Российской Федерации»; «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации»; «Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации»; «Воздушный кодекс Российской Федерации»; Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; Федеральный закон «Об оружии»; Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»; Закон РФ «О милиции»; Федеральный закон «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации»; Федеральный закон «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации»; Федеральный закон «О континентальном шельфе Российской Федерации»; Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»; Федеральный закон «О ведомственной охране»; Федеральный закон «О судебных приставах»; Федеральный закон «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации»; Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; Федеральный закон «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением»; Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации»; Федеральный закон «О государственной охране»; Федеральный закон «О федеральной фельдъегерской связи»; Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений»; Федеральный закон «О Ратификации Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении»; Федеральный закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» и другие нормативные правовые акты.

Используя термин «нападение» при определении признаков деяния в конкретном составе преступления, законодатель не раскрывает его понятия и содержания. Судебное толкование этого уголовно-правового понятия дается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»³: «Под нападением следует понимать действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения»⁴.

Во взглядах российских ученых на сущность нападения нет единства. Несмотря на различия в трактовках понятия и содержания нападения, ученые не без оснований рассматривают его в аспекте насилия.

Г. Хадисов полагает, что сущность разбоя заключается не в нападении, а в применении насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, поскольку именно это существенно повышает степень общественной опасности данного преступления⁵. Похожую позицию занял С. И. Сирота, который под нападением (при разбое) понимает такое внезапное, неожиданное для потерпевшего насилие или угрозу применения насилия, которое по своему объективному характеру может причинить смерть или телесное повреждение, опасное для жизни или здоровья лица, подвергнувшегося нападению⁶.

Нападение и насилия рассматриваются некоторыми авторами как тождественные понятия⁷.

Другие ученые под нападением понимают само деяние как основной признак объективной стороны состава преступления, а под насилием – выделенный законодателем способ совершения деяния. Например, А. В. Наумов, комментируя ст. 227 УК РФ, отмечает, что в составе пиратства «действием является нападение на морское или речное судно. В качестве способа выступает насилие либо угроза его применения»⁸.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997, № 1.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994, № 3.

⁵ Хадисов Г. Уголовно-правовая характеристика грабежа и разбоя // Ученые записки института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. – 1966. – С. 171.

⁶ Сирота С. И. Преступления против собственности и борьба с ними. – Воронеж, 1968. – С. 74.

⁷ Гуучия М. Б. Ответственность за разбой по советскому уголовному законодательству. – Сухуми, 1958. – С. 29.

⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. В. Наумов. – М., 1996. – С. 534. См. также: Никифоров Б. С. Уголовно-правовая охрана личной собственности граждан. – М., 1954. – С. 88; Михайлов М. П. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой (по советскому праву). – М., 1958. – С. 124–125. См. также: Ивахненко А. М. Квалификация бандитизма, разбоя, вымогательства: проблемы соотношения составов: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996. – С. 88; Севрюков А. П. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика грабежей и разбоев, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, и их предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 57.

Еще одна группа ученых соотношение признаков «нападение» и «насилие» в объективной стороне состава преступления видит по-другому: не насилие считают способом нападения, а, наоборот, нападение представляют как способ (либо форму) применения насилия⁹.

Думается, что полемика относительно соотношения признаков деяния и способа его совершения ничего не привносит в понимание сущности нападения как вида преступного деяния. Более конструктивным представляется другой путь научного поиска – необходимо выделить свойства нападения, имманентно присущие ему как особой разновидности преступного деяния (поведенческого акта).

Большинство определений нападения в теории уголовного права сформулированы применительно к разбою или бандитизму и содержат обязательное указание на насилие, применяемое к физическому лицу. Между тем, даже при бандитизме (не говоря о пиратстве и нападении на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой) насилие может быть обращено не только на человека, но и на животных, имущество и т. д. Например, агрессивно-насильственное воздействие на объект нападения может при пиратстве выразиться в применении тарана против атакуемого судна, при бандитизме – в разрушении объекта взрывом или поджогом и т. д. Но во всех таких случаях нападающие готовы применить насилие и к физическим лицам.

По мнению В. С. Комиссарова, применительно к бандитизму, нападение означает создание обстановки опасного состояния, которое должно квалифицироваться как нападение с момента готовности применить насилие для достижения целей банды¹⁰. Указанный автор предлагает аналогично квалифицировать нападение при совершении разбоя, пиратства, нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой. Однако вряд ли корректно определять понятие нападения через механизмы квалификации преступлений как оконченных. Момент, с которого преступления, совершаемые путем нападения, квалифицируются как оконченные, и момент фактического окончания нападения как поведенческого акта, протекающего во времени и пространстве, совпадает не всегда. При их совпадении нападение действительно имеет место уже в момент создания обстановки реальной опасности, поскольку все преступления, совершаемые путем нападения, квалифицируются как оконченные уже в момент начала нападения (ст. ст. 162, 227, 360 УК РФ) и даже в момент приготовления к нему (ст. 209 УК РФ).

Поэтому В. С. Комиссаров прав в том, что нападение будет иметь место вне зависимости от применения или неприменения насилия, но

⁹ Григорьев В. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации. – Уфа, 1995. – С. 23. См. также: Шаронов Р. Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: Дис. ... канд. юрид. наук – СПб, 1999. С. 69.

¹⁰ Комиссаров В. С. Понятие бандитизма в уголовном праве // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 1994. – № 4. – С. 47, 48

лишь в той части, которая касается определения момента окончания преступления при его квалификации.

Вопрос о моменте окончания преступления определяется тем, каким образом законодатель сконструировал состав преступления, и не зависит от уголовно-правовой сущности и содержания деяния как поведенческого акта. Например, убийство может выразиться и в одноактном поведении, и в системе поведенческих актов, приведших к фактическому причинению смерти другого человека (ст. 105 УК РФ). Известно, что посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа квалифицируется по ст. 317 УК РФ как оконченное преступление не только в случае фактического причинения смерти сотруднику правоохранительного органа, но и при совершении действий, непосредственно направленных на причинение смерти, но не приведших к ней. Однако это вовсе не означает того, что у посягательства на жизнь и убийства имеются существенные различия в характере их общественной опасности, в существенных свойствах самих поведенческих актов.

Конструкция состава преступления не может служить критерием для определения существенных признаков деяния как поведенческого акта. Она определяет юридические границы ответственности за его совершение, но не отражает социально-правовой и фактической сути деяния.

Некоторые ученые рассматривают нападение как действие, предшествующее применению насилия. В.И. Симонов и В.Г. Шумихин считают, что нападение является первым, начальным этапом разбоя, а применение физического или психического насилия составляют второй этап его объективной стороны¹¹.

Некоторые исследователи, отмечая самостоятельность признаков нападения и насилия, считают необязательным их одновременное наличие. Так, по мнению Л.Г. Хулаповой, нападение при разбое не является обязательным, важно лишь установить факт применения насилия¹².

На практике возможны случаи, когда посягательство (нападение) прервано вопреки воле нападающего, например, при вмешательстве сотрудников правоохранительных органов, третьих лиц, либо при отражении нападения самим потерпевшим. Однако правоприменитель однозначно трактует подобные действия как состоявшееся нападение. Действительно, насилие без промедления (применяемое в начальный момент посягательства) нельзя квалифицировать иначе как нападение. Именно поэтому в статьях 162 и 227 УК РФ законодатель говорит о нападении, соединенном с реальным применением насилия либо с

¹¹ Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность. – М., 1993. – С. 6; Владимиров В.А. Квалификация похищений личного имущества. – М., 1974. – С. 63.

¹² Хулапова Л.Г. Ответственность за разбой по законодательству ТССР. – Ашхабад, 1985. – С. 13.

угрозой применения насилия, в целях завладения чужим имуществом. Кроме того, на практике весьма распространены случаи, когда нападение и насилие совпадают по времени, а этап создания обстановки реальной опасности применения насилия вообще отсутствует.

Следовательно, определение нападения только лишь как создания обстановки опасного состояния, в пространственных и временных границах которого сохраняется угроза реального применения насилия, является слишком узким и не раскрывает сущности нападения применительно ко всем возможным случаям его проявления.

Указанные выше трактовки не в состоянии опровергнуть основного довода в полемике о соотношении понятий «нападение» и «насилие»: вне зависимости от конструкций конкретных составов преступлений, существенным свойством нападения является насилие, в какой бы форме оно ни проявилось, и какое бы место ни занимало в последовательности преступных действий (поведенческих актов). При этом не только формы насильственных проявлений, но и сам факт (наличность) насилия при нападении не имеет принципиального значения. Только один признак в состоянии непротиворечиво отразить существенное для нападения значение насилия в ситуации, когда факт насилия отсутствует, а действия все равно являются насильственными. Этот признак – не реальное применение насилия, а агрессивно-насильственный характер действий нападающих¹³.

В качестве другого имманентного свойства нападения в литературе выделяется его внезапность. По определению А. Г. Кибальника и И. Г. Соломоненко, «акт любого нападения представляет собой внезапное проявление агрессии к кому-нибудь или чему-нибудь»¹⁴. Правда, по мнению Г. Н. Борзенкова, внезапность нападения имеет подчиненный характер, производный от насилия¹⁵, однако его обязательность автором не отрицается. В данном контексте нет смысла обсуждать иерархию признаков нападения и выделять «основное» значение какого-либо из них. Как уже отмечалось, рассматриваемому виду деяния присущи имманентные свойства, которые в совокупности определяют его характер. Важно лишь отметить, что речь идет именно о существенных

¹³ См.: Российское уголовное право в двух томах. Том 2. Особенная часть / Под ред. А. И. Рарога. – М., 2004. С. 192; Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А. В. Наумов. – М., 1997. – С. 245; В. А. Владимиров. Указ дисс. С. 230–231; Комментарий к УК РФ. Особенная часть / Под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева, – М., 1996. – С. 141 и др.

¹⁴ Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Преступления против мира и безопасности человечества. – СПб., 2004. – С. 183. См. также: Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за бандитизм (по новому УК РФ). – М., 1997. – С. 28–29; Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. – М., 1971. – С. 137; Ашитов З. О. Социалистическая законность и квалификация преступлений. – Алма-Ата, 1983. – С. 49.

¹⁵ См.: Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть / Под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. – М., 2002. – С. 448.

свойствах нападения, определяющих его как самостоятельный вид преступного деяния, отличающийся по этим свойствам от других видов.

Насильственный характер является существенным, но недостаточным признаком для отграничения нападения от других насильственных преступлений. Для описания объективных признаков насильственных деяний российский законодатель использует множество технических приемов, в частности термины и словосочетания: «причинение смерти» (ст. ст. 105 – 109 УК); «причинение вреда здоровью» (ст. ст. 111, 112, 115 УК); «посягательство на жизнь» (ст. 317 УК), «насильственные действия» (ст. 132 УК); «применение насилия» (ст. 318, 321 УК) и др. «Нападение» – термин, который не вписывается в общий ряд способов определения насильственных преступлений. Его использование законодателем, во всяком случае, обусловлено необходимостью создания дискурса, отличного от трактовки одного лишь насилия.

Судебная практика относит к существенным признакам нападения его внезапность. Трактовка нападения как внезапного действия имеет и научное обоснование¹⁶.

В литературе иногда осуществляются попытки противопоставить, сравнить или различить признаки «внезапность» и «стремительность» (хотя большинство ученых такого разграничения не проводит). Нам представляется, что внезапность и стремительность – это две стороны «одной и той же медали», разные аспекты отражения в оценке нападения одно и того же его свойства. «Стремительность» – характеристика нападения, которая дается деянию со стороны (например, правоприменителем) на основании объективной оценки внешнего проявления его свойств. Стремительность нападения можно определить как объективный критерий оценки обстоятельств нападения. «Внезапность» – характеристика нападения с точки зрения субъективного значения ситуации, которое формируется в сознании жертвы агрессии, ее субъективное восприятие насилия¹⁷. Поскольку субъективное значение ситуации агрессии представляет собой не что иное, как субъективный критерий ее оценки со стороны жертвы, его можно определить как субъективный критерий оценки обстоятельств нападения.

В этом контексте представляется важным выяснить, какой из двух критериев оценки ситуации является обязательным для установления признаков нападения в любом из деяний, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК?

Решение вопроса о том, какой критерий (объективный или субъективный) необходим для уголовно-правовой оценки преступного деяния, не раз и по различным поводам вставал перед уголовно-правовой наукой, законодателем и правоприменителем. Например, при

¹⁶ Севрюков А. П. Указ. дис. С. 56.

¹⁷ Внезапность – неожиданность, непредвиденность (поступка, события и т. п.). Внезапный – наступивший, происшедший вдруг, неожиданно, непредвиденно (Словарь русского языка в четырех томах. Т. IV. М., 1961. С. 239–240).

формулировании состава бандитизма в ст. 76 УК РСФСР 1922 г. законодатель использовал два термина: «нападение» и «налет». В соответствии с буквой этого закона, при применении нормы о бандитизме следовало четко разграничивать, где совершено бандитское нападение, а где – налет, так как эти признаки являлись альтернативными. В термине «налет» воплотилось уголовно-правовое значение объективного критерия ситуации агрессии как быстрого, наряженного, действия. С отказом законодателя от этого термина объективный критерий оценки ситуации агрессии перестал иметь собственное уголовно-правовое значение.

Субъективные критерии оценки обстоятельств жизненной ситуации нередко выделяется законодателем при формулировании признаков конкретных составов преступлений, когда уголовно-правовая оценка деяния ставится им в зависимость от восприятия лицом обстоятельств, выходящих за рамки обязательных признаков его умышленной вины. Хрестоматийным примером этого служит использование признака угрозы убийством как деяния, предусмотренного ст. 119 УК РФ. В доктринальных источниках отмечается: «Особенность ситуации угрозы такова, что ее объективное содержание должно совпадать с тем значением, которое придает ситуации потерпевший. ... Угроза должна восприниматься как реальная опасность. Адекватности восприятия угрозы служат:

- а) ее персонифицированность и
- б) ее информативность»¹⁸.

Значение субъективного критерия оценки ситуации угрозы таково, что преступление признается оконченным с момента доведения угрозы до сведения потерпевшего¹⁹.

Из этого следует, что установление признаков ряда деяний, предусмотренных Особенной частью УК, зависит не только от внешних проявлений, но и от субъективной оценки поведенческого акта потерпевшим (жертвой). Эта зависимость либо прямо указывается в законе, либо вытекает из его буквы.

В ряде случаев законодатель не отражает в содержании уголовно-правовой нормы значения субъективного критерия оценки ситуации

¹⁸ См.: Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А. И. Рарога. М.: Эксмо, 2010. С. 73; см. также: *Фомичева М. А.* Угроза как способ совершения преступления (основание криминализации, виды и характеристика). Владимир, 2007. С. 53–73 и др.

¹⁹ См.: *Лукиянова И. В.* Угроза как преступление. Калуга, 2004, С. 61; *Дурманов Н. Д.* Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1962. С. 19; *Леконцев Ю., Бриллиантов А.* Ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества // Советская юстиция. 1982. № 22. С. 13; *Красиков А. Н.* Преступления против личности. Саратов, 1999. С. 80 и др.

общественно опасного деяния, однако оно является существенным для установления признаков его объективной стороны.

Например, согласно п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», нападение, соединенное с угрозой применения насилия, квалифицируется как разбой или как грабеж в зависимости от ее субъективного восприятия потерпевшего: «Если лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, например макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т. п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии другихотячающих обстоятельств) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена частью первой статьи 162 УК РФ, либо как грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия»²⁰.

Как видим, субъективный критерий оценки ситуации совершения общественно опасного деяния имеет существенное значение и, следовательно, подлежит учету при квалификации преступления как разбойного нападения.

Официальное судебное толкование термина «нападение» делает акцент на обязательном значении субъективного критерия оценки потерпевшим ситуации агрессии. Это обязывает нас определить нападение именно как внезапное действие насильственного характера. Свойство стремительности действий насильственного характера имеет для определения понятия «нападение» не обязательное, а факультативное значение. Отсутствие этого свойства в конкретных поведенческих проявлениях агрессии не исключает свойства внезапности и на практике не препятствует квалификации их как нападения, например, по делам о разбое.

Этот вывод следует также из разъяснений, данных в указанном выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ (п. 23): « В случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой», следовательно, как нападение. В то же время, очевидно, что введение в организм потерпевшего (с целью приведения его в беспомощное состояние) опасного для жизни или здоровья сильнодействующего, ядовитого или одурманивающего вещества, например, путем обмана, как правило, не бывает стремительным действием. С пониманием нападения как быстрого, стремительного действия связан сомнительный вывод некоторых авторов о

²⁰ «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 2, 2003.

том, что нападение включает лишь явные, открытые насильственные действия и не может выражаться в действиях тайных и обманных²¹.

Большинство авторов, как и судебная практика, придерживаются противоположной точки зрения. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РСФСР, данному в постановлении «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» от 22 марта 1966 г., «введение в организм потерпевшего опасных для жизни и здоровья сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ с целью приведения его таким способом в беспомощное состояние и завладения чужим имуществом должно квалифицироваться как разбой»²².

В литературе справедливо отмечается, что нападение представляет собой сложный поведенческий акт. По словам А. М. Ивахненко, «нападение при бандитизме, как правило, образует не одноактное действие, а несколько действий, то есть для нападения характерно протяженность во времени. И поэтому его можно определить как процесс воздействия на потерпевшего, таящий в себе реальную опасность применения насилия в течение определенного промежутка времени, в который осуществляется нападение»²³.

В виде системы действий, состоящей из отдельных самостоятельных элементов, представлял нападение и Б. В. Волженкин: «Насилие или угроза применения насилия в составе разбоя – лишь один из элементов нападения, включающего в себя и другие действия»²⁴. Он включал в содержание нападения не только угрозу применения насилия и само насилие (если оно применялось), но также иные действия, которыми сопровождается нападение (например, действия, непосредственно направленные на завладение имуществом, захват судна и т. п.).

Мнение тех авторов, которые рассматривают нападение как систему поведенческих актов (действий)²⁵, представляется обоснованным. Ее разделяет и Пленум Верховного Суда РФ, разъяснивший в своем постановлении от 21 декабря 1993 года, что под нападением при бандитизме следует понимать «действия, направленные на достижение преступ-

²¹ См.: *Болдырев Е. В., Петрунев В. П.* Вопросы квалификации разбоя в судебной практике // Научный комментарий судебной практики за 1967 г. – М., 1968. – С. 125; *Каплан Е.* Возможен ли разбой без нападения // Социалистическая законность. – 1990. – № 12. – С. 56; *Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И.* Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. – М., 1986. – С. 112; *Устинова Т. Д.* Уголовная ответственность за бандитизм (по новому УК РФ). М., 1997. С. 28–29; Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. И. Я. Козаченко и др. – М., 1997. – С. 230.

²² Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / Отв. ред. В. И. Радченко. – М., 2000. – С. 289.

²³ *Ивахненко А. М.* Указ. соч. – С. 89. См. также: *Северюков А. П.* Указ. соч. С. 151.

²⁴ *Волженкин Б. В.* Вопросы квалификации краж, грабежей и разбоев, совершенных с целью завладения личным имуществом граждан. – Л., 1981. – С. 16.

²⁵ См.: *Гравина А., Яни С.* Указ. соч. – С. 19.

ного результата». Однако это судебное толкование не исключает квалификации как бандитского нападения и простого поведенческого акта.

В качестве существенных признаков нападения как особой разновидности деяния мы рассматриваем те признаки, которые отражают его имманентные свойства, присущие, как общему понятию «нападение», так и каждому конкретному его проявлению. Сложный характер нападения как системы поведенческих актов может быть назван существенным признаком рассматриваемого вида преступного деяния в том случае, если он обладает указанным выше качеством.

Римская Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (принятой в 1988 г.) определяет структуру пиратства как системы поведенческих актов.

В докладе Международного бюро по морскому судоходству (ИВМ) 1992 г. пиратство определяется как менее сложная структура.

Разбой также может заключаться в единичном действии (достаточно выразить угрозу фразой: «Жизнь или кошелек!»). Сущность деяния не меняется: оно и в этом случае будет представлять собой внезапное (для жертвы) проявление агрессии. Пиратское нападение протекает на протяжении достаточно длительного периода времени, представляя собой процесс физического воздействия на людей и предметы окружающей действительности, а также психического воздействия на людей посредством угрозы применения насилия. Однако и взятия судна на абордаж с целью последующего его захвата будет достаточным для квалификации его как оконченного пиратства.

Сложная структура поведения, образующая систему поведенческих актов, является факультативным признаком нападения, не затрагивающим сущности и свойств особой разновидности деяний в объективной стороне преступлений, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

В качестве существенного признака нападения в литературе выделяется и его направленность. Так, по мнению Л. Д. Гаухмана, законодатель употребил термин «нападение» как связывающий термины «цель завладения имуществом» и «насилие». На этом основании автор сделал вывод, что «сущность разбоя заключается в неразрывном единстве насилия, опасного для жизни или здоровья (либо угрозы таковым), и цели завладения имуществом»²⁶. Этот вывод имеет под собой достаточные основания. Однако он актуален только в определенных случаях – при установлении признаков деяний, предусмотренных ст. ст. 162 и 227 УК РФ.

При формулировании признаков преступлений, предусмотренных статьями 209, 340, 360 УК РФ, о направленности (целях) нападения законодатель не упоминает. Преступный характер целей тех деяний, которые предусмотрены в этих статьях, может не вызывать сомнений.

²⁶ Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. – М., 1974. – С. 107–108.

Однако, во-первых, это можно сказать обо всех преступлениях, а, во-вторых, предположение о наличии неопределяемой цели не может служить критерием уголовно-правовой оценки, основанием для решения формального вопроса о соответствии фактических обстоятельств совершения общественно опасного деяния указанным в законе признакам.

Направленность внезапной агрессии не является существенным свойством нападения. Ее нельзя рассматривать и как обязательный формальный, типичный, признак, применимый к анализу всех без исключения случаев совершения рассматриваемого вида деяния. По нашему мнению, цель нападения, не обладая указанными качествами, является особым, специально выделенным законодателем, признаком разбоя и пиратства.

Как видим, многие из обсуждаемых в юридической литературе признаков нападения, не являясь обязательными для определения его общего понятия, отражающего видовую специфику деяния как признака объективной стороны состава преступления. Авторы различных точек зрения на сущность нападения основываются на анализе конкретного преступления (разбоя, пиратства, бандитизма, нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой и т. д.). Их выводы справедливы только в определенных контекстах. Стремительность, интенсивность (опасность), открытость, вооруженность, направленность умысла (цели) – все это факультативные признаки нападения. Некоторые из указанных выше признаков действительно имеют обязательное значение в конкретных составах преступлений. Они придают им индивидуальные черты, но при этом ничего не меняют в сущности самого нападения как поведенческого акта. Думается, что нельзя определить общее понятие нападения как вида деяния на основании одного «эталонного» состава преступления.

Как видовое понятие нападение – это неспровоцированное внезапное агрессивно-насильственное воздействие на потерпевшего или на охраняемые уголовным законом объекты.

Этот вывод представляется важным для характеристики любого деяния, определяемого в законе посредством термина «нападение». Уяснение обозначенного им понятия облегчит уголовно-правовую оценку фактических обстоятельств, поскольку четкое представление о составляющих это понятие обязательных элементах исключает многозначность и противоречивость толкования текста закона и, как следствие, создает предпосылки для реализации принципа законности.